

9(44)
М 779

С. МОНОСОВ

ДВА ВОССТАНИЯ ЛИОНСКИХ РАБОЧИХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПУТЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ»
ХАРЬКОВ - 1923

1207330

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

Сергей Михайлович Моносов

ДВА ВОССТАНИЯ ЛИОНСКИХ РАБОЧИХ

ХАРЬКОВ: ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПУТЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ» ПРИ
НАРКОМПРОСЕ У.С.С.Р. 1923

Веб-публикация: Vive Liberta, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

1. Предисловие
2. Положение рабочих и вопрос о тарифе
3. Ноябрьское восстание
4. Между двумя восстаниями
5. Апрельское восстание
6. Заключение

Материалы к теме:

Ф.Потемкин. Лионские восстания 1831 и 1834 г.

П.Фроман. Рабочее восстание в Лионе / перевод с франц. и
вступит. статья *А.И.Молока*

Ю.Кучинский. Условия труда во Франции с 1700 по 1948 гг.

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции
до 1848 г.

Е.Кожокин. История бедного капитализма. Франция XVIII - перв.пол.
XIX в.

в нашей библиотеке

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Сколько мне известно, на русском языке не существует ни одной работы, посвященной Лионским восстаниям 1831 и 1834 гг.

Между тем восстания эти, как ранние выступления пролетариата, представляют собою значительный интерес. Эти соображения и заставили меня выпустить в свет настоящую небольшую брошюру. Желая сделать ее более популярной, я не стал загромождать ее текста ссылками и указаниями на использованные источники и литературу, поэтому считаю необходимым сделать в настоящем предисловии все необходимые указания.

„Histoire des insurrections de Lyon“ Monfalcon'a и несколько документов, имеющих, правда, косвенное отношение к нашей теме и напечатанные в „Révolution de 1848“ Jeanjan'ом (mars—avril 1914)—вот доступные для меня источники. Что же касается пособий, то в качестве таковых мною использованы: Festy „Mouvement ouvrier au début de la monarchie de juillet“; Luis Blanc „Histoire de dixans“, t. III и IV; Грегюар „История Франции в XIX в.“, тт. I и II.

Статья Alazard'a „Les causes de l'insurrection lyonnaise de novembre 1831“ в „Révue Historique“, sept.—dec. 1912, его же статья „Le mouvement politique et social à Lyon“ в „Révue d'Histoire moderne“ juillet—août, novembre—dec. 1911, Pariset „Histoire de la fabrique lyonnaise“, Tchernoff „La partie républicain Sous la monarchie de juillet“.

С. Моносов.

1. Положение рабочих и вопрос о тарифе.

I.

С XVII века шелковая промышленность создала городу Лиону богатство и славу второго, по значению, города Франции. На север от самого города Лиона было расположено предместье „Красный Крест“, населенное, почти исключительно, рабочими по шелку, известными всему миру своею ловкостью и искусством.

В описываемую нами пору—тридцатые годы прошлого столетия, неказисто на вид было это обиталище тружеников. Не лучше выглядели и другие предместья Лиона, населенные, в большинстве случаев, теми же рабочими по шелку.

Узкие улицы, в которые не проникал свежий воздух и свет; высокие дома с грязными, зловонными задворками, скученные массой на небольшом пространстве—вот внешний вид рабочих кварталов. Внутри жилищ нашему взору представится не менее печальная картина. В одной маленькой низкой комнате живут несколько человек: хозяин и хозяйка, дети, работники и работницы—спят в повалку, или на нарах, или просто на полу. В комнате, вернее каморке, мало свету и воздуху, зловоние проникает туда со двора и с улицы. Солнце почти никогда не заглядывает в эти жилища нужды.

По свидетельствам современников, одевались рабочие в лохмотья, питались плохой и нездоровой пищей.

Эти рабочие—ткачи шелковых материй—„каню“, как их называли в Лионе, не были фабричными рабочими нашего времени. В те времена в Лионе, как и почти во всей Франции, не было фабрик. „Фабрикантами“ там назывались предприниматели, раздававшие заказы по маленьким мастерским, снабжавшие их сырьем и образцами рисунков для материй. Хозяйчики мелких мастерских, владельцы трех, шести, много восьми ткацких станков находились

в зависимости от этих фабрикантов. У хозяев мастерских работали подмастерья—„компаньоны“, мужчины и женщины, а также подростки—ученики. Над фабрикантами стояли купцы, доставлявшие им шелк сырец—„подлинные пнявки лионской промышленности“, как называет их Луи Блан.

Эта многоэтажная эксплуатация давила всю тяжестью на „компаньонов“, но не очень сладко жилось и „хозяевам мастерских“. Правда, они удерживали половину платы, получаемой за изготовленную материю, лишь половину уплачивая „компаньону“, но зато они несли издержки по найму помещения, его освещению, отоплению, ремонту и установке станков. Издержки эти были значительны: ночная работа требовала больших расходов на освещение, помещения в Лионе были очень дороги, а усовершенствования, все чаще и чаще делаемые в устройстве станков, требовали частой их переделки или замены. Словом, прибыль „хозяев мастерских“ бывала очень невелика и положение их немногим отличалось от положения „компаньонов“. Недаром в Лионе и тех и других безразлично называли рабочими. „Компаньоны“, большую часть, не были коренными жителями Лиона; в случае плохих дел и безработицы, они могли уйти в соседние с Лионом деревни, выходцами которых они являлись; „хозяева“ же всегда были прикованы к своему скудному скарбу. Что касается учеников-подростков, то они первое время своего ученичества работали или вовсе бесплатно, или получали самую незначительную плату. С того же момента, когда ученик был в состоянии управляться самостоятельно со станком, он получал уже настоящее вознаграждение, значительно меньшее, однако, чем вознаграждение „компаньона“. Поэтому ученики и доставляли хозяину наибольшую прибыль, но они же очень часто причиняли ему убытки, портя, благодаря своей неопытности, изготавливаемую ими материю.

В описываемую нами эпоху в Лионе было человек 700—800 „фабрикантов“, тысяч восемь „хозяев мастерских“ и тысяч тридцать „компаньонов“. Эти сорок тысяч тружеников были заняты чрезвычайно тяжелой и вредной для здоровья работой. Долгими часами, с утра до глубокой ночи, они просиживали за своими станками, сгорбившись, непрерывно работая обими руками и одной ногой, держа другую на весу в полном бездействии. Животом и нижней частью груди они прижимались к своему станку. Еще тяжелее была работа подростков, занятых сматыванием шелка

на шпульку. Рабочие по шелку с малых лет имели сгорбленную спину, искривленные ноги, бесцветные лица—признаки, по которым их можно было узнать еще издали.

Рабочий день был очень продолжителен—пятнадцать и более часов.

Работники вставали с восходом солнца, а зимой задолго до него, и работали до десяти—одиннадцати часов вечера. Зарботки рабочих были чрезвычайно различны и зависели как от их ловкости, так и от сорта изготавливаемой материи. Прибыль „хозяина мастерской“ выражалась в 600—650 франков в год. Из этой суммы „хозяину мастерской“ приходилось, как мы уже знаем, значительную часть—франков шестьдесят-сто затрачивать на наем помещения.

Что касается „компаньонов“, то их заработок достигал, в лучшие времена, 28—32 су в день, а перед тем восстаньем, о котором мы собираемся рассказать, он не превышал, по словам префекта Ронского Департамента, 18 су. Между тем в Лионе все сестные припасы, обложенные высокими городскими и государственными налогами и пошлинами, были весьма дороги. Так, хлеб продавался не дешевле 4 су за фунт. Фабрикант Монфалькон, оставивший нам описание лионских восстаний и, конечно, враждебно относящийся к рабочим, говорит по этому поводу: „Это верно, что в Лионе большинство расходов на предметы первой необходимости очень значительно, что налоги на продукты потребления очень велики и что плата за наем помещений, хотя и сократившаяся за последнее время, все еще очень высока. „Кроме высоких цен на предметы питания, сильно страдала лионская беднота, от непомерных процентов, взимаемых правительственной ссудной кассой. Недаром одна газета—„Предвестие“, близко стоявшая к рабочим, писала по поводу деятельности этого учреждения: „Здесь истинное зло и подлинная несправедливость, гибельная для рабочего класса“. Сильно разоряли рабочих также и организуемые правительством лотерейные розыгрыши. Та же газета писала о них: „Это отвратительная западня, прикрытая цветами правительством для того, чтобы лучше привлечь рабочих“. Вполне естественно, что измученные тяжелой работой и полуголодным существованием, рабочие попадались на эту удочку и затрачивали на покупку лотерейных билетов, в общем, не менее 1,500,000 франков ежегодно.

Однако, лионские рабочие знавали и лучшие времена. Когда-то Лион, в области шелковой промышленности, не

имел конкурентов. Первый удар его фабрикам нанесла революция 1789 года; после нее, при Наполеоне, старавшемся всеми силами поднять французскую промышленность, благодаря покровительству правительства, лионские фабрики ожили вновь. В начале XIX века в руках лионских фабрикантов оказалось новое, могучее средство борьбы с своими конкурентами—ткацкий станок, изобретенный Жакодом и усовершенствованный в 1815 году Бретоном. В 1825 г. таких станков в Лионе насчитывалось более 4000. Несмотря на это, лионским фабрикантам приходилось все труднее в их борьбе с иностранной конкуренцией. Фабрики Швейцарии, Италии и Рейнской области—местностей, входящих в состав империи Наполеона, с падением ее сделались независимыми. Но страшнее конкуренции этих стран была конкуренция англичан, получавших дешевое сырье из своих колоний и бывших в состоянии, поэтому, изготавливать шелковые материи дешевле французов. Сильнее англичане были и в области техники,—так, они, значительно раньше французов, начали применять химические способы окраски материи.

Швейцария, Италия и Германия, как конкуренты лионских фабрикантов, были страшны, главным образом, той низкой заработной платой, которой довольствовались рабочие этих стран. Правда, с лионцами никто не мог соперничать в изяществе и красоте рисунков изготавливаемых ими материй. Уже упомянутый нами Монфалькон сообщает по этому поводу: „Мое удивление достигло крайних пределов, когда я нашел у простых рабочих, у их детей и у всех, имеющих хоть какое-нибудь отношение к изготовлению образцов и рисунков, постоянное внимание, направленное на все то, что может улучшить производство материй со стороны их разрисовки“.

В течение первых десятилетий XIX века вывоз французских шелковых материй за границу увеличивался: в 1821 году было вывезено материй на 109,000,000 франков, в 1831 году на 179,000,000 франков. Но этот успех достигался ухудшением положения рабочих. Лионские фабриканты для того, чтобы успешно бороться с иностранной конкуренцией, понижали заработную плату мужчинам, привлекали к работе женщин (в особенности при изготовлении дешевых материй) и подумывали о перенесении, хотя бы частичном, производства в соседние с Лионом деревни.

Часто разражавшиеся кризисы прерывали мирное течение промышленной жизни Лиона. Эти кризисы, конечно, очень тяжело отражались на положении лионских рабочих—„хозяев мастерских“ и „компаньонов“. После блестящего для лионской промышленности 1825 года, в следующем, 1826 году разразился кризис. Вывоз с 122,000,000 франков (вывоз 1825 года) сократился до 90,000,000 франков. Число станков, равнявшееся в 1824 году 35000—сократилось до 30,000... Революция 1830 года тоже отразилась весьма печально на положении лионской шелковой промышленности.

Свержение дворянского короля Карла X было радостно приветствовано лионцами. Фабриканты, при известии о происшедшем в Париже перевороте, послали по всем мастерским приказчиков с приказом всем рабочим прекратить, под страхом увольнения, работу и выходить на улицу. Однако, угроза увольнения была излишней. Рабочие с радостью бросали работу и спешили поддержать своих хозяев, выступивших против дворянской монархии... Второго августа в Лионе происходила демонстрация, причем, „народ и рабочие по шелку, собравшись, манифестировали в пользу нового порядка вещей“. Однако, этот новый порядок вещей заключался только в том, что парижская буржуазия, столкнувшись с трона при помощи рабочих короля-помещика Карла X, посадила на его место короля-буржуа Луи-Филиппа. Убытки, произошедшие от связанного с революцией застоя в делах, буржуазия постаралась взвалить на плечи рабочих. Мастерские и фабрики закрылись одна за другой; рабочие, в благодарность за совершенную ими революцию, выталкивались на улицу. Не иначе обстояли дела в Лионе. Лионские мастерские, как изготавливавшие предметы роскоши, особенно сильно пострадали от переворота. Если в 1829 году во Францию было ввезено шелкового сырья 1017000 килограмм, то в 1830 г.—717000 килогр., а в 1831 г. только 524000 килогр., т. е. меньше, чем во все предыдущие годы, начиная с 1822 г.

Уже в начале 1831 года лионские власти, для того, чтобы занять безработных, принуждены были организовать общественные работы. На работах по углублению русла Роны было занято 400 человек и на фортификационных работах вокруг Лиона—300 человек. Но, во-первых, всего этого было недостаточно, во-вторых, хилые рабочие по шелку были мало пригодны для тяжелых земляных работ. Частная благотворительность, к которой лицемерно обратилась буржуазия, тоже мало помогала делу. Рабочие волновались.

Они как-будто разочаровывались в том новом порядке вещей, который они же приветствовали столь радостно 7 месяцев тому назад. С горечью вспоминали они ту изданную, непосредственно после июльского переворота, прокламацию, в которой правительство говорило о новой эре, наступившей для города Лиона, о коммерции—дочери свободы и о славном трехцветном знамени.

На стенах лионских домов появились расклеиваемые кем-то листки, в которых можно было прочесть: „При последнем правительстве (Карла X) мы, по крайней мере, имели возможность жить; когда вопрос шел о том, чтобы это правительство свергнуть, не было конца данным нам обещаниям, которые никогда не будут выполнены“. „Повязка спала с наших глаз; цвета знамени не имеют для нас значения; свобода без хлеба не накормит наших детей“. Некоторые листки прямо призывали к вооруженному восстанию: „Друзья, мы все вооружены; неужели мы останемся у наших очагов смотреть, как умирают наши дети с голоду“.

В феврале 1831 года рабочие подали в Палату Депутатов петицию,—в ней они жаловались на пристрастность и на негласность заседаний Совета Добросовестных. Это учреждение разбирало все конфликты между рабочими и фабрикантами. В его состав входило семь членов—четыре фабриканта и три „хозяина мастерских“. Составленный таким образом этот Совет, конечно, не мог защищать интересов не только „компаньонов“, но и „хозяев мастерских“. Кроме него из учреждений, ведавших вопросами промышленности, в Лионе существовали: Коммерческая Палата и Коммерческий Трибунал. Первая должна была заботиться об увеличении и улучшении производства и ставить правительство в известность о всех обстоятельствах, тормозящих развитие индустрии, а Коммерческий Трибунал разбирал все конфликты, возникавшие в коммерческом и промышленном мире. Оба учреждения состояли, исключительно, из фабрикантов, и рабочие не могли рассчитывать ни на какую защиту с их стороны. Между тем, положение рабочих становилось все тяжелее. Летом правительство было вынуждено ассигновать на борьбу с последствиями кризиса 25.000 франков.

II.

Осенью среди рабочих сделалась популярной мысль об установлении минимума заработной платы (тарифа). Таким путем рабочие надеялись прекратить продолжающееся

падение заработной платы, достигшее, как мы уже говорили, в некоторых отраслях шелкового производства восемнадцати су за день.

Первое собрание рабочих, посвященное вопросу об установлении тарифа, происходило в предместьи Красного Креста по инициативе и под председательством двух „хозяев мастерских“—Бувери и Фальконэ. Была создана „Временная Комиссия хозяев мастерских и рабочих“. На одном из первых заседаний комиссии появился полицейский комиссар и посоветовал рабочим избрать легальный путь и действовать через префекта департамента. Рабочие послушались и в лице префекта нашли заступника. Префект—Бювье-Дюмоляр мечтал о приобретении популярности и потому пошел навстречу требованиям рабочих. „Он хотел, говорит о нем Луи Блап, приобрести доверие рабочих, изображая из себя борца за их интересы“. Даже Совет Добросовестных вынес по вопросу о тарифе следующее постановление: „Принимая во внимание, что малый размер платы, уплачиваемой фабрикантами за изготовление шелковых материй—факт общественный, считать полезным установление тарифа“. Префект на заседании Коммерческой Палаты, сылаясь на брожение, происходящее в рабочих кварталах, также настоял на необходимости установления тарифа. Для окончательного разрешения вопроса рабочими были избраны 22 делегата и фабрикантами, после долгих проволочек, которыми они надеялись затянуть дело—23 представителя. На 25 октября было назначено, под председательством префекта, заседание делегатов обеих сторон. Рабочие решили поддержать требования своих представителей внушительной демонстрацией. Стройными рядами, молчаливые и грозные, соблюдая строжайший порядок, спустились они из своих предместий. Они не были вооружены, но несмотря на это, это безмолвное шествие суровых, изголодавшихся людей произвело самое внушительное впечатление.

Монфалькон так описывает эту демонстрацию: „Они были без оружия, без палок и шти, соблюдая тишину и полный порядок. Начальники имели в руках, как знаки своей власти, жезлы. Толпа, собравшаяся вокруг трехцветного знамени, двигалась без проявления враждебности и в молчании... Никаких криков, никаких вызовов; рабочие ограничились демонстрацией своих сил“.

Когда демонстранты подошли к зданию, где происходило заседание, префект, уже успевший сделаться популярным,

вышел на балкон. Все головы обнажились и раздались крики: „Да здравствует префект“. Рассеявшись по площади, рабочие стали ожидать решения своей участи; когда им показалось, что дело слишком затягивается, они стали громко выражать свое нетерпение. Один из их делегатов, покинув зал заседания, вышел к ним и сказал: „Друзья мои, мы занимаемся вашим делом, все идет хорошо, пока удалитесь“. И рабочие, так же как и пришли, спокойно, молчаливо и грозно, отправились в свои предместья. Между тем, на заседании далеко не все „шло хорошо“. Фабриканты желали говорить о законности, вообще, таких мер, как установление тарифа, префект же не допускал такой постановки вопроса. Для того, чтобы сломить сопротивление фабрикантов, ему пришлось прибегнуть к своему авторитету высшего административного лица и к запугиванию; впрочем, и без того демонстрация произвела на фабрикантов должное впечатление...

Тариф был установлен... При этом известии в рабочих кварталах началось ликование; была устроена иллюминация. Но радость рабочих была непродолжительна. Фабриканты совершенно не были намерены всерьез считаться с тарифом. Его они считали нарушением свободы отношений между фабрикантами и рабочими, той свободы, которая, по их мнению, только и обеспечивала процветание промышленности. Они заявляли: „Рабочие вольны работать и не работать, если заработная плата им кажется низкой. Впрочем такую она кажется рабочим потому, что они усвоили дурные привычки, которых не знали их отцы. Они привыкли хорошо одеваться, посещать театры и кафе. Наконец, надо подумать и о положении отечественной промышленности. Ведь при высокой заработной плате, конкуренция с иностранцами для французских промышленников делается невозможной“.

Далее они говорили, что согласились на установление тарифа лишь под давлением префекта. Делегаты, утверждали они, участвовавшие с их стороны в заседании, не были их подлинными представителями, так как они были избраны всего лишь ста пятидесятью фабрикантами. Префект же, как представитель власти, не должен был вмешиваться в отношения между рабочими и фабрикантами. „Прежде чем уступить рабочим, префект должен был дать растерзать себя живьем“, сказал один буржуа. Центральные власти отнеслись к установлению тарифа очень недоброжелательно.

Министр коммерции стал на сторону фабрикантов. Он обвинял префекта в нарушении, изданного еще Учредительным Собранием в 1791 году, закона против рабочих союзов. „Что бы там ни было, тариф, очевидно, не может существовать. Вам следует отыскать благовидный предлог, чтобы избавиться от него“, писал министр префекту. Фабриканты ободрились и перешли в наступление. Ими была подана в Палату Депутатов жалоба, в которой указывалось, что они были вынуждены, в виду конкуренции, понизить заработную плату, а рабочие преувеличили свою нужду для того, чтобы добиться тарифа. Наконец, фабриканты стали угрожать локаутом, говоря, что не будут давать заказов по расценкам даже ниже тарифа. Неудачливый заступник рабочих, префект, испугался и 17 ноября заявил, что тариф обязательной силы не имеет и может быть применяем лишь по добровольному соглашению сторон. А между тем, всего за 19 дней перед этим, рабочие в благодарственном адресе, обращенном к префекту, говорили: „Воспоминания о столь торжественном акте, который Вы удостоили поддержать всем своим авторитетом и для совершения которого Вы употребили все свои старания—воспоминание о нем будет навсегда выгравировано и в наших сердцах, равно как и имя нашего первого магистрата—Дюмоляра“. И вот теперь все значение этого торжественного акта сводилось к нулю, все надежды рабочих рассыпались прахом.

2. Ноябрьское восстание.

После заявления префекта о необязательности тарифа, „Совет Добросовестных“, начавший жестокую борьбу с нарушениями тарифа, прекратил эту борьбу.

Возбуждение рабочих достигло крайних пределов. Среди них передавались, якобы сказанные каким-то фабрикантом, слова: „если у рабочих нет хлеба в брюхе, мы им заткнем его штыками“.

21 ноября рабочие решили прекратить работу во всех мастерских; наиболее энергичные из них обходили мастерские и останавливали работу, прибегая к самым решительным мерам. У тех хозяев мастерских, которые отказывались выполнить требование о прекращении работ, материи вынимались из станков, а иногда и разрезались на куски. В предместье „Красного Креста“ собралась возбужденная толпа в 300—400 человек, вооруженная, правда, только пал-

ками. Небольшой отряд национальной гвардии напал на эту толпу, но был прогнан. Это и послужило началом восстания.

Грозные ряды рабочих, как это было и в день установления тарифа, начали спускаться из предместия в город. Им навстречу двинулся легион национальной гвардии, состоявший целиком из фабрикантов. Гвардейцы начали обстреливать рабочих; последние должны были скрыться в свои предместья. С криком — „к оружию, убивают наших братьев“ — рабочие рассыпались по улицам и переулкам, всюду сея тревогу. Мгновенно воздвиглись руками женщин и детей баррикады. Черное знамя, с знаменитой надписью: „жить работая, или умереть сражаясь“ — взвилось над центром восстания „Красным Крестом“.

При первых выстрелах префект кинулся к начальнику гарнизона и умолял его дать распоряжение о возвращении розданных солдатам боевых патронов. Его просьба уважена не была, — борьба разгоралась. Атака, произведенная регулярными войсками, была отбита восставшими. Последние прекрасно использовали все выгоды своего положения и, скрываясь за баррикадами, выступами домов, трубами и чердаками, осыпали солдат градом пуль и камней. Национальная гвардия предместья „Красного Креста“, состоявшая, главным образом, из хозяев мастерских, присоединилась к восставшим, — это увеличило их силы и отдало в их распоряжение несколько орудий.

Не добившись успеха у начальника гарнизона, префект, вместе с одним генералом, отправился для переговоров с восставшими в предместье „Красного Креста“. Первоначально казалось, что умиротворение будет достигнуто, но в момент речи префекта по толпе восставших раздались выстрелы, произведенные войсками. Рабочие заподозрили измену и с криком „нас предали“ они схватили и префекта и генерала. Однако, ни тому ни другому не было причинено ни малейшего вреда, но оба были задержаны в качестве заложников.

В это время барабанщик национальной гвардии, выходя „генерал-марш“, напрасно пытался созвать в ряды национальных гвардейцев. Национальные гвардейцы предместий перешли, как мы уже знаем, на сторону восставших, гвардейцы из средних слоев буржуазии — торговцы, лавочники не явились на призыв, уклоняясь от участия в борьбе. Только легионы, состоявшие из фабрикантов,

явились полностью и ожесточенно сражались с восставшими. Таким образом, два противника — эксплуататоры и эксплуатируемые оказались один против другого; свои промежуточные заняли выжидательную позицию. Несколько лет спустя одна лионская газета таким образом жаловалась на это обстоятельство: „Когда восстание в нашем городе опять поднимет голову, как это было в ноябре, барабан напрасно будет сзывать их (лавочников) в ряды. Лавочник закроет ставни своих окон первого этажа и спокойно, на пороге своего дома, будет прислушиваться к стрельбе, оплакивая только перерыв в своих торговых делах“.

Однако, если мы представим противников лионских фабрикантов подлинными пролетариями, то совершим большую ошибку. Большинство восставших были „хозяевами мастерских“ и являлись представителями скорее беднейших слоев мелкой буржуазии, нежели пролетариата. „Компаньоны“ были совершенно не организованы. И „хозяева мастерских“ и „компаньоны“ были одинаково несознательными в смысле понимания значения восстания, — последнее для них являлось лишь способом разрешить частный вопрос, вопрос о тарифе. Поэтому, одержав победу, восставшие не смогли и не сумели ею воспользоваться.

Владея „Красным Крестом“, пунктом, господствующим над остальным Лионом, восставшие были непобедимы. Регулярные войска, не поддержанные всей массой национальной гвардии, оказались не в состоянии не только взять „Красный Крест“, но и удержать Лион. Они оставили его, отступивши с величайшим трудом, пробиваясь под обстрелом через многочисленные баррикады.

Власти в расклеенной по Лиону прокламации сами расписались в своем бессилии: „После двух дней упорных боев“, было написано в этой прокламации, „боев, в которых слишком много французской крови было пролито несчастным образом, линейные войска оказались не в состоянии продолжать бесполезное сопротивление“...

К этому времени в Городской Думе, покидаемой войсками, опять явился префект. Несмотря на угрозы некоторых рабочих, ему снова удалось добиться их расположения. „Если вы ни в чем не можете упрекнуть меня, говорил он, позвольте мне возвратиться к исполнению моих обязанностей и вы увидите, что я буду исполнять их, как добрый отец“. Более осторожные рабочие протестовали, несмотря на их протесты, свобода префекту была провозглашена.

ставлена. Кроме него в Городской Думе остались: мэр города, его заместитель и некоторые другие представители администрации. В выпущенной прокламации они писали: „Мы хотели прекратить пролитие крови; генерал, движимый чувством гуманности, согласился на удаление гарнизона... Бойтесь анархии, думайте о благе ваших семейств и города. Мы остались, чтобы выслушать ваши жалобы и обдумать вместе с вами меры установления порядка, благоприятного для интересов всех“. Из этой прокламации следовало, что войска оставили Лион вследствие гуманных соображений, а не вследствие понесенного поражения; победителям—рабочим предлагалось жаловаться на свои нужды добрым магистратам, специально для этого оставшимся в городе.

В другой прокламации сам префект проповедывал рабочим „уважение к собственности, уважение к закону“. „Вы называли меня“, писал он, „вашим отцом, и я хочу быть отцом хороших детей“.

Но восставшие и сами выказали величайшее уважение к буржуазной собственности и порядку, да иначе и не могло быть, так как они сами являлись на три четверти мелкими буржуа. Кроме того, победители проявили величайшую мягкость к побежденным: с момента занятия города восставшими и окончания сражения, по признанию врагов восставших—фабрикантов, не было совершено ни одного убийства. „Никогда город не охранялся лучше, чем в дни господства в нем рабочих“, говорит Луи Блан. Можно было увидеть людей в лохмотьях, бодрствующих с оружием в руках у монетного двора, у казначейства; можно было видеть бедняков-рабочих, стоявших на часах у домов, откуда еще недавно в них же стреляли фабриканты. Только из двух домов, из которых целый день фабриканты обстреливали рабочий квартал, была извлечена мебель и сожжена. Этим месть рабочих и ограничилась.

Охрана рабочих помешала побегу заключенных, проделавших отверстие в тюремной стене и пытавшихся воспользоваться связанной с восстанием сумятицей.

Но, поддерживая буржуазный порядок, охраняя буржуазную собственность, рабочие оказались не в состоянии защищать свое собственное дело,—они не смогли использовать победу, не сумели организовать власть в захваченном городе. Целью рабочих по шелку, составлявших ядро восставших, было восстановление тарифа,—но даже и в этом

направлении никаких мер предпринято не было. Что касается каких-либо политических требований, то таковые вовсе не выдвигались. Захвативши власть, после трехдневной кровопролитной борьбы, победители совершенно спокойно терпели присутствие в Городской Думе прежних чиновников, не мало повинных в произошедшем кровопролитии; они в высшей степени лояльно отнеслись к монархии и позволили трехцветному знамени развеяться над Городской Думой в течение всего времени своего господства. Мало того, вожди захвативших власть рабочих согласились разделить эту власть с прежними магистратами и только в целях наблюдения за ними создали „временный штаб“. Рабочие не сумели воспрепятствовать тому, чтобы „добрый отец“—префект и окружавшие его чиновники постепенно не свели на нет одержанную ими победу.

Но во „Временном Штабе“, окружавшем прежних чиновников, кроме вождей рабочих, оказалось несколько республиканских деятелей. Они вступили в Штаб по собственному почину, желая использовать революционную вспышку для захвата власти и проведения своих принципов. Тщетно они пытались повернуть все движение в республиканское русло. Хотя в момент борьбы за тариф у рабочих и вырвались республиканские выражения и проскальзывали иногда и республиканские мысли, в общем, они оставались лояльными по отношению к монархии. Их сочувствие к республиканским лозунгам, высказываемое в пылу трехдневной борьбы, было только временным.

Сильно написанная республиканская прокламация не нашла себе отклика в сердцах рабочих. В этой прокламации республиканцы призывали к выбору новых властей, ибо старые, по их словам, отделены от народа горою трупов и не имеют права на его доверие. Прокламация заканчивалась словами: „Радуга истинной свободы заблистала с этого утра над нашим городом,—пусть же ее блеск не померкнет. Да здравствует свобода“. Но этот лозунг, брошенный небольшой кучкой республиканцев, неизвестных рабочим, не связанных с ними,—не был подхвачен. Других же, более близких сердцу рабочих лозунгов республиканцы выдвинуть не могли.

Хуже всего было то, что республиканцы для того, чтобы придать больше веса своей прокламации, подписали ее именами популярных вождей рабочих. Те на другой день опубликовали протест против этой „афиши, стремящейся

не признавать законных властей“ и приглашали всех добрых рабочих соединиться с ними, равно как и всех граждан различных классов, являющихся „друзьями мира и единения, долженствующего царить среди истинных французов“.

Префект и другие магистраты окружили себя вождями рабочих; напрасно республиканцы с жаром указывали последним, что префект и мэр теперь уже ничто, что власть принадлежит самому захватившему ее народу... Городская Дума сделалась центром отчаянной борьбы; дело доходило до угроз с оружием в руках. Наконец, республиканцы были принуждены покинуть Думу, бросив рабочим горький упрек: „вы нас не хотите выслушать, вы в этом раскаетесь, но будет поздно“.

Враги рабочих в это время не дремали. Однажды ночью буржуа, переодевшись рабочими, смешался с отрядами последних, стоящими на постах. Из Городской Думы вышел префект и начал обходить отряды, как бы для проверки постов; при этом обходе, на каждой остановке, к нему присоединялись находящиеся здесь, вмешавшиеся в ряды рабочих буржуа, и, наконец, весь отряд, достигший значительных размеров, возвратился в Городскую Думу. С этого момента власть полностью оказывается в руках прежних чиновников и буржуазии. Правда, некоторое время еще с рабочими считались, их усыпляли производимой в их пользу подпиской, но 3 декабря по улицам Лиона оказалась расклеенная прокламация, извещавшая о прибытии наследного принца и маршала Сульта, во главе большого отряда войск.

Дело в том, что генерал Роге, отступив из Лиона и видя, что его не преследуют—а это никому не приходило в голову,—остановился недалеко от города и начал стягивать подкрепления. Центральные власти приняли все меры: призвали под ружье национальную гвардию окрестных департаментов, стянули крупные военные силы. Между тем, окружавшие Лион деревни оставались совершенно спокойными и безучастными к происходившим в Лионе событиям. Следовательно, с момента фактического обратного захвата власти префектом и буржуазией, ничто не препятствовало занятию Лиона войсками.

При той лояльности, какую проявляли по отношению к правительству рабочие, при овладевшей ими апатии, никакого сопротивления войскам оказано не было. Напротив,

популярная в рабочих кругах, издаваемая несколькими хозяевами мастерских газета—„Эхо фабрики“ с восторгом писала о „короле—гражданине“, возвратившем отечеству славу, данную ему нашими отцами, и приветствовала „дорогого принца, стремившегося в стены города для того, чтобы залечить наши раны“... Мало того, депутация „хозяев мастерских“, явившись к остановившемуся под городом принцу, заявила ему, что „единодушное желание всех хозяев мастерских заключается в том, чтобы его прибытие в город не замедлилось“.

Враги рабочего люда клеветой и ложью постарались отомстить своим временным победителям. Они рассказывали о жестокостях, якобы совершенных рабочими, о солдатах, будто бы растерзанных озверевшими женщинами и подростками, обвиняли восставших в контр-революционной приверженности к свергнутой за шестнадцать месяцев перед тем династии Бурбонов. Однако, даже официальная газета „Монитор“ сообщала факты, утверждавшие как раз противное: „Когда какой-то человек попробовал в момент восстания агитировать за короля Генриха V (сына свергнутого Карла X), то возмущившиеся рабочие бросили агитатора в Рону“.

Как мы видели, Лионское движение не выдвинуло никаких политических лозунгов; правительство и буржуазия утешали себя этим, Монитор по этому поводу радостно писал, что „полное отсутствие всяких политических идей, всяких политических символов“—характеризует восстание. Но тем не менее, это первое, столь грозное, выступление пролетариата сильно напугало захватившую власть кучку буржуазии. Хотя посягательства на собственность не было, буржуазный порядок не нарушался восставшими, все же буржуазия чувствовала, что это только первое предвестие будущих грозных движений и ей уже чудилась уничтоженная собственность, разрушенный буржуазный строй, полное крушение всего буржуазного общества.

Премьер-министр Казимир Перье в речи, сказанной в Палате Депутатов по поводу Лионского восстания, говорил: „Лионский бунт был направлен грабителями и убийцами против свободы торговли и промышленности. Все добрые граждане, все честные люди Франции могут иметь лишь один интерес—держаться одного мнения. Общество никогда не позволит безнаказанно угрожать своему существованию“. В том же заседании Палатой был принят адрес правитель-

ству, в котором говорилось „о безопасности личности, подвергнувшейся жестоким посягательствам, и о собственности, угрожаемой в самом своем принципе“... В этом же адресе депутаты просили правительство „о немедленном прекращении беспорядков и энергичном подавлении всех этих попыток“, обещая „королю полное содействие в деле восстановления мира повсюду, где он будет нарушен“. Далее они заверяли короля в том, что он „может рассчитывать на помощь всех классов в деле подавления всяких зачатков анархии и укрепления священных принципов, на которых покоится само существование общества“...

Экономические причины восстания были настолько очевидны, что даже правительственный Монитор глубокомысленно замечал: „Изыскание причин исключительно социальных, причин, которые подготовили столь печальное положение дел, без сомнения, наводит на полезные и глубокие размышления... Законодатели должны углубить эти наблюдения и сообразовать свою деятельность с ними“.

Но было бы большой ошибкой думать, что правительство действительно собиралось осуществить мероприятия, которые бы смогли улучшить положение рабочих; все эти мероприятия ограничились следующим: тариф и связанные с ним меры были уничтожены по тем соображениям, что „административные власти не должны вмешиваться в столкновение между фабрикантами и рабочими; через год после восстания была основана касса для выдачи ссуд и реформирован „Совет Добросовестных“. Однако, и в новом реформированном Совете, несмотря на увеличение числа его членов до 15, перевес остался за фабрикантами, да кроме того 9/10 „хозяев мастерских“ лишены были права выбора в этот Совет, так как это право было предоставлено хозяевам, имевшим не менее четырех станков.

По этому поводу, уже знакомая нам, рабочая газета „Эхо фабрики“ с горечью замечала: „Вместо того, чтобы изыскать средства излечить зло, вместо того, чтобы совершить жертвы на пользу класса, сделавшего все для отечества и общества, ему дали новую организацию „Совета Добросовестных“.

Впрочем, правительство приняло и еще кое-какие меры для предупреждения могущих вновь возникнуть беспорядков: оно распустило и реорганизовало лионскую национальную гвардию и начало постройку укреплений вокруг Лиона под предлогом обороны от внешних врагов.

3. Между двумя восстаниями.

I.

Первое время после восстания апатия, овладевшая лионскими рабочими, продолжала быть господствующим настроением. Несмотря на только-что происшедшее восстание, они оставались мирно и лояльно настроенными. Среди них развивается дух „прожекторства“—создаются проекты и планы таких учреждений, которые смогли бы мирными путями, не разрушая существующих условий, улучшить их положение.

Газета „Эхо фабрики“, как бы сожалела о ноябрьских днях, отклонивших ее от правильного пути, писала: „Теперь мы можем снова возобновить выполнение нашей миссии, миссии, целиком касающейся производства, единственной целью которой является создать лучшее положение трудящегося класса, умирающего от голода“...

Но средства, которые предлагала газета, не выходили из рамок мелких реформ: по ее мнению, нужно было облегчить „хозяевам мастерских“ возможность приобретения и установки новых станков, отнестя часть расхода на счет фабрикантов, ввести вознаграждение за ночную работу и т. д. Эта же газета создает проект учреждения „Промышленного клуба“, целью которого являлось бы постепенное улучшение физического и морального положения рабочих. Здесь собиравшиеся еженедельно рабочие должны были бы „обсуждать средства, пригодные для искоренения или предупреждения произвольных действий со стороны фабрикантов, применяя, исключительно, силу инерции, единственную законную и, в то же время, единственно могущую привести к хорошим результатам“.

В это же время возник проект учреждения „Центрального дома производства шелковых материй“. „Эхо фабрики“ живо обсуждало этот проект; среди рабочих производилась подписка; была создана комиссия из 15 человек, но, в конце концов, „столь гигантское предприятие“ заглохло, как писала об этом „Эхо фабрики“, „вследствие встреченных на пути к своему осуществлению трудностей“.

Помимо проектируемых учреждений, рабочие возлагали надежды и на реформированный, после восстания, „Совет Добросовестных“. „Эхо фабрики“ писало по поводу начала деятельности нового Совета: „Новая эра открывается для

наших фабрик. Новый Совет должен осуществить многочисленные реформы и заставить исчезнуть многочисленные злоупотребления". Больше того, „Эхо фабрики“ наивно думало, что результатом деятельности нового Совета будет „объединение двух классов, столь давно разделенных на два лагеря“.

Как мы уже знаем, этим надеждам не суждено было осуществиться. Разочарование в деятельности нового Совета наступило быстро, и „Эхо фабрики“ заявило, что „рабочий класс стал более несчастным с момента учреждения нового Совета“. Против членов этого Совета—фабрикантов „Эхо фабрики“ повело отчаянную борьбу.

После того, как надежды, возлагаемые рабочими на различного рода учреждения и организации не оправдались, идеи социалистического характера начинают приобретать среди них все больше и больше сторонников.

Сен-Симонизм проникает в Лион и внедряется в редакцию „Эхо фабрики“. Происшедшее в ноябре восстание привлекло к Лиону внимание социалистических деятелей, тем более, что пропаганда Сен-Симонистов в Париже начала испытывать стеснение со стороны правительства. Поэтому Сен-Симонисты, в изданной ими прокламации „к Лиону“, заявляли: „Мы покидаем Париж, город роскоши и потребления. Для наших мужественных грудей нужен иной воздух, для наших лиц тружеников нужно дуновение иного ветра. Мы отправляемся поискать этого воздуха и этого ветра, раздувающего величайший очаг промышленной и экономической жизни, тот очаг, которым гордится европейский континент“... Далее в поэтических выражениях описывался Лион—„неутомимый работник, сидящий между Реной и Сеной, со взглядом, устремленным на Париж, приклонившись спиной к горам „Красного Креста“, как ткач к своему станку“...

Кроме Сен-Симонизма и фурьеризм начинает вербовать своих сторонников в рабочих кругах. Однако, рабочие из обоих этих учений воспринимали очень охотно то, что было в них практического и отбрасывали все мистическое, отвлеченное и утопическое. В Сен-Симонизме их подкупал призыв к объединению, авансирование каждому члену общества прожиточного минимума; в фурьеризме им нравилась его ненависть к конкуренции.

Различные социалистические взгляды начали проповедываться на страницах газет, читаемых рабочими. Такой, помимо „Эхо фабрики“, уже известной нам, была „Собира-

тель колосьев“. Эта газета искренно и довольно наивно сожалела о том, что правительство не употребляет на организацию „фаланстеров“¹⁾ средств, израсходованных на постройку лионских укреплений. „Эхо фабрики“, проповедуя, в духе Сен-Симона, всеобщее объединение рабочих, их улучшение—физическое и нравственное, берет на себя защиту Сен-Симонистов против газеты фабрикантов—„Лионский курьер“. Защищая Сен-Симонистов, „Эхо фабрики“ говорит о них, что можно соглашаться или не соглашаться с их взглядами, но нельзя их не уважать и не удивляться им, как людям, которые „для осуществления своих великодушных идей пренебрегали своим блестящим положением для того, чтобы сделаться народом, т. е. бедняками, несчастными, вынужденными работать, обреченными на страдания от голода, жажды и несправедливости“... Наконец, то же „Эхо фабрики“ печатает хвалебные статьи, посвященные земледельческим и промышленным общинам, предполагаемым Фурье, называемым „фаланстерами“.

В начале 1833 года в Лионе произошли столкновения между фабрикантами и рабочими. Если причины ноябрьского мятежа коренились в плохом положении промышленности; то столкновение 1833 г. произошло в момент самого блестящего положения дел. Это благоприятное положение было использовано рабочими для наступления на фабрикантов. „Эхо фабрики“ жаловалось на „богатых фабрикантов, привыкших с давних пор к огромным барышам и нежелающих уступить в своих обычных притязаниях“. „Отсюда“, говорило „Эхо фабрики“, „проистекает ненависть и злоба между двумя классами“. „Эхо фабрики“ опубликовало на своих страницах списки неуступчивых фабрикантов. Несмотря на процесс, затеянный фабрикантами против редактора газеты, они, под угрозой прекращения работ, принуждены были идти на уступки. Рабочие на этот раз оказались победителями, как это бывает часто при стачках наступательных.

Газета фабрикантов „Лионский курьер“ забила тревогу; она обвиняла во всем общество „мютюеллистов“, начавшее в это время приобретать все больший и больший авторитет среди рабочих.

¹⁾ Проповедывались Фурье производственные коммуны, общины (земледельческие и промышленные).

II.

Общество это было основано еще до ноябрьского восстания, но влияние его в эту пору было ничтожно, а деятельность — мало заметна. Причиной его основания явилась неустойчивость положения „хозяев мастерских“, связанная с постоянными перебоями в работе. Основателями общества были двое „хозяев мастерских“. Организовано оно было согласно старой масонской традиции и распадалось на „ложи“ по 20 человек. Это делалось и в целях конспирации и для того, чтобы явно не нарушать закона, запрещавшего объединение более, чем 20 человек.

Каждая „ложа“ выбирала своего президента и 4 „указчиков“ (judi cateurs); каждый из них имел под своим наблюдением по 4 рядовых члена ложи. Одиннадцать лож объединялись в „центральную ложу“, посылая в нее по 2 представителя. Президенты всех центральных лож составляли „Великий совет“ с „Великим магистром“ и тремя „инициаторами“ во главе. На обязанностях „инициаторов“ лежало наблюдение за выполнением обществом своих принципов, а также прием новых членов. Слова „Справедливость, Порядок, Братство“ были лозунгом общества; кроме того, оно соблюдало множество других условностей. Так, в целях конспирации, оно имело условные названия для месяцев и воскресений каждой недели; ложи обозначались номерами и наименованиями, вроде следующих: „Благотетельная“, „Настойчивая“, „Храбрая“, „Непоколебимая“ и т. д.

Общество было тайной организацией; члены его, при вступлении, давали клятву сохранять в секрете статута. Однако, цели этого общества были самые мирные. „Искренне и прямодушно, взаимно и великодушно указать все то, что может быть полезно им (членам общества) и что относится к их профессии; помочь, ссудив инструменты, а если возможно и деньги, собранные взносами, помогать друг другу вниманием, дружбой, советом, рассматривая друг друга как братьев“ — так регламенты общества определяли его цели.

Уже из приведенных выше названий лож видно, что основатели общества в значительной степени руководились при учреждении его принципами нравственными. И действительно, статуты общества запрещали вступление в него лицам, живущим незаконным браком. Каждый, вновь вступающий, подвергался строжайшей проверке с этой точки

зрения. Кроме того, членам общества запрещалось заниматься вопросами религиозными и политическими.

Первое время своего существования, как мы уже говорили, общество не пользовалось авторитетом среди рабочих: в 1831 году оно насчитывало не более 240 членов. Однако, постепенно его значение начало возрастать. Это находилось в связи, с одной стороны, с проповедью среди рабочих идей объединения, с другой стороны, — с разочарованием их в других способах борьбы за лучшие условия.

Вместе с этим происходит изменение в направлении деятельности общества: из общества взаимопомощи оно постепенно обращается в орган борьбы рабочих с фабрикантами. Когда, через три месяца после описанного нами февральского столкновения рабочих с фабрикантами по вопросу об увеличении заработной платы, на этой же почве вновь возникли новые прения, — руководителями рабочих выступили „мютюеллисты“. Их „комиссары“ являются к фабрикантам и предъявляют им требования от лица всех рабочих; в случае неуступчивости фабриканта, мютюеллисты налагают запрещение на станки, ими эксплуатируемые, т. е. прекращают работу. И на этот раз фабриканты, не желавшие упустить благоприятного в положении промышленности момента, пошли на уступки. Правда, и они, в свою очередь, заключили между собою соглашение, на основании которого станки, подвергшиеся раз запрещению, не должны были впредь получать заказов ни от одного фабриканта. Их газета — „Лионский курьер“ — обвиняла рабочих в соглашении с иностранными конкурентами лионских промышленников, а „мютюеллистов“ трактовала, как организацию, основанную исключительно на ненависти к фабрикантам и всем существующим учреждениям.

Успешность борьбы, руководимой „мютюеллистами“, привлекает в их ряды все новых и новых членов, — в начале 1833 года их насчитывалось уже около 2500 человек в 122 ложах.

Прежняя организация общества не соответствовала более его новым целям. Если оно желало взять на себя защиту профессиональных интересов рабочих по шелку, оно неминуемо должно было перестроиться на новых началах. Действительно, в конце июля 1833 года „Великий Совет“ реорганизовал все общество, разделив его на группы — „синдикаты“, соответствующие различным сортам вырабатываемых шелковых материй. На обязанности стоящего во

главе синдиката — „синдика“, являвшегося, по большей части, наиболее опытным „хозяином мастерской“, лежало устанавливать расценки на изготовление каждого сорта материй. Таким образом, „мютюеллисты“ явочным путем ввели тот „тариф“, из-за которого, два года перед этим, разразилось восстание и было пролито столько крови.

Под влиянием новых задач, стоявших перед „Обществом мютюеллистов“, забываются те мнимо-нравственные начала, на которых оно было основано: теперь в него разрешается вступать и лицам, живущим в незаконном браке.

Эти изменения протекали не без борьбы в среде общества. Некоторые стародумы оказывали отчаянное сопротивление новым веяниям; один из них — „Великий магистр“ — с горестью сознается в том, что все их сопротивление допущению в общество лиц, живущих незаконным браком, было напрасным. Это допущение имело большое значение, так как оно увеличило число членов общества иполнило его элементами более молодыми и революционными.

К этому же времени общество завладело „Эхом фабрики“, сделавшимся официальным печатным органом „мютюеллистов“.

Так как доступ в „мютюеллисты“ был открыт только для „хозяев мастерских“ (одно из условий допущения, согласно регламентам общества, было — обладание собственной квартирой), „компаньоны“ образовали собственное общество „феррандинцев“ (феррандин — дешевый сорт материй). Цель этого общества — взаимопомощь, борьба за заработную плату и лучшие условия труда.

В своем регламенте „феррандинцы“ заявляли: „Мы работаем, начиная с 1 сентября по 1 апреля, с 6 часов утра до 9 час. вечера, а с 1 апреля по 1 сентября — с 5 утра до глубокой ночи; больше этого времени работать не должно“. В этом же регламенте говорилось о необходимости сокращения числа учеников: „Опыт показал“, читаем мы в нем, „что слишком большое число рабочих рук в той или иной области работы — есть главная причина, влияющая на заработную плату“.

Стремление к организации затрагивает рабочих и других отраслей производства; они прислушиваются к лозунгам, бросаемым „мютюеллистами“, последние же, на одном из своих банкетов, заявляли: „Именно ассоциация будет той преградой, о которую разобьется несправедливость законов, созданных из ненависти к трудящимся; именно она

освободит нас от нашей жалкой участи, завещанной нам невежеством правительства, фанатизмом и варварством“...

Рабочие по тую прямо высказывают мысль — о необходимости для рабочих других отраслей производства подражать мютюеллистам в деле объединения: „Будучи сторонниками объединения, мы желаем, чтобы у нас появились многочисленные подражатели для того, чтобы можно было заставить исчезнуть все те несправедливости, которые подтачивают существование рабочего класса“...

И вот подражатели появляются.

Золото-канительщики объединяются в „общество соединенных братьев“ (юнисты), веревочники создают „общество полного согласия“ (конкордисты). Все эти организации смотрят на „мютюеллистов“ как на старших братьев. Так, конкордисты обращаются к ним со следующими словами: „Мы только-что подписались под великим договором, долженствующим связать братскими узами рабочих всех специальностей и исходатайствовать у вас право поместиться под вашими знаменами и право получать вашу помощь и содействие в выполнении нашего дела, освобождения и прогресса“...

Между обществами происходили постоянные сношения и наблюдалось значительное единение. По этому поводу „Эхо фабрики“ писало: „Наконец-то, мы признали, что наши интересы одни и те же, что далекие от ненависти друг к другу, мы должны помогать один другому и что дух единения должен объединить всех нас“.

Для того, чтобы продемонстрировать свою силу „мютюеллисты“ и „феррандинцы“ готовы были использовать любой предлог. В феврале 1833 года была организована мощная демонстрация: 1500 „мютюеллистов“ и „феррандинцев“ в величайшем порядке, по четыре в ряд, прошли по городу, сопровождая тело своего умершего товарища. Фабриканты были напуганы; вообще, дисциплина, царящая в рабочих организациях, производила на них самое внушительное впечатление. Монфалькон по этому поводу замечает: „Хорошо, если бы префект, департамент и генерал, командующий дивизией, находили бы в своих подчиненных столь быстрое и столь полное повиновение“ (как у мютюеллистов).

Впрочем слишком преувеличивать сознательность и дисциплинированность тогдашних рабочих не следует: они были полны унаследованных от цехового строя корпоративных предрассудков. Так, между подмастерьями различных

отраслей производства происходили по самым вздорным поводам стычки, переходившие в форменные сражения. „Эхо фабрики“ оплакивало это „зрелище варварское и безнравственное, зрелище, представляющее французов, трудящихся и, наконец, людей, предающихся дракам, осуждаемым нашими нравами“...

III.

Монфалькон в своей книге о Лионских восстаниях говорит: „После ноябрьских событий все политические партии накиннулись на Лион, как на захваченную ими добычу“.

Мы видели, что во время ноябрьских событий влияние противоправительственных партий на рабочих было ничтожно. Однако, уже ноябрьские дни должны были заставить рабочих прислушаться к республиканской пропаганде, а дальнейшие события должны были сблизить еще более лионских шелко-ткачей с республиканцами.

Последние в это время не представляли единой партии. Резко различались два крыла: левое и правое; среди них замечались различные течения, в зависимости от того, из каких слоев населения формировались кадры этой партии. Правительство июльской монархии защищало интересы банкиров, биржевых тузов и крупнейших пайщиков больших предприятий,—соответственно этому в противоправительственный лагерь отбрасывались и средние промышленные буржуа, и различной квалификации интеллигенты, и разные группы мелкой буржуазии. К беднейшим ее слоям можно отнести и лионских „хозяев мастерских“. Поэтому нет ничего удивительного, что левое крыло республиканской партии быстро стало вербовать своих сторонников среди лионских ткачей по шелку.

Ноябрьское восстание показало республиканцам, какие громадные силы заключены в недрах широких трудовых масс; нуждаясь в этих силах, республиканцы начинают свою пропаганду среди этих масс.

Оба крыла республиканской партии имели в Лионе свои печатные органы. „Предвестие“ было более умеренно и, хотя его редактор и любил изображать себя сыном трудящегося класса, оно группировало вокруг себя, главным образом, квалифицированных интеллигентов: врачей, адвокатов, писателей. Соответственно этому газета эта была весьма серьезна, теоретична и редактируема, даже по отзывам

врагов, весьма талантливо. Среди рабочего люда, однако, она популярностью не пользовалась; этой популярностью пользовался „Собиратель колосьев“, меньше занимавшийся теоретическими вопросами и больше уделявший внимания событиям, волновавшим лионских рабочих.

„Собиратель“ с величайшим сочувствием относился к их бедам: „Наши симпатии“, писал он,—„на стороне класса, наиболее многочисленного и наиболее бедного“. По-этому вполне понятно, что лионская буржуазия, относясь весьма терпимо к „Предвестью“, даже отдавая должное его талантливости и серьезности, ненавидела „Собирателя“, называя его „необузданно-демократическим“, „орудием подлых страстей“ и т. д.

„Собиратель“ смело, зло и остроумно нападал на правительство Луи-Филиппа, за что неоднократно приостанавливался, а редактор его подвергался тюремному заключению. Впрочем, это нисколько не уменьшало пыла редактора Гранье. „Республиканец“, писал он, „это—человек, желающий править народом через народ, убежденный в том, что это есть единственный режим, могущий удовлетворить интересы народа. Это тот, кто движется живым чувством и готов всегда принести всякие жертвы для того, чтобы улучшить положение несчастных работников, земледельцев и, наконец, пролетариев, составляющих громадное большинство нации“...

Как мы видим, республиканцы, по крайней мере, их левое крыло, живо интересуются социальными вопросам, и недаром их вождь, Кавеньяк, во время процесса „Общества друзей народа“ в 1832 году, заявлял, что его группа „добивается организации труда и относится отрицательно к эксплуатации рабочих капиталом“.

Мысль о том, что для разрешения вопроса социального необходимо разрешить вопрос политический, заменив монархическое правительство республиканским, излагалась в популярной брошюре, изданной „Собирателем“ и очень распространенной среди лионцев. Брошюра называлась „Республиканский катехизис“. В ней можно было прочесть, что „монархия не хочет и не может вступить на путь реформ, единственный благой путь, могущий нас спасти. Эта задача будет когда-либо выполнена исключительно народным правительством, правительством республиканским“.

Эти тенденции, тесно сблизившие переворот политический и переворот социальный, делали республиканской и мелкую

буржуазия, и пролетариат, одинаково страдающих под гнетом финансовых воротил.

Насколько последователи республиканских идей были в эту пору многочисленны в Лионе, видно из того, что, когда в октябре 1832 г. туда прибыл один из вождей республиканцев Гарнье-Паже, в честь его был устроен банкет, собравший до 2000 участников.

Помимо газетных статей и банкетных речей, немалую агитационную роль играли судебные процессы, возбуждаемые правительством против республиканцев. Лучшие республиканские адвокаты защищали обвиняемых, произнося длинные агитационные речи. Так, во время одного из процессов редактора „Собирателя“, Жюль Фавр, тогда еще молодой адвокат, сказал: „Если когда-либо свобода умрет (что никогда не случится), мы окажемся вынужденными только вследствие утомления и усталости протянуть наши руки в оковы, но мы дождемся момента, когда они снова будут в состоянии поднять меч, и никогда мы не будем служить тирании большой или малой!“

Республиканская пропаганда усилилась еще больше после посещения Лиона самим Годфруа Кавеньяком. Здесь была основана секция тайного республиканского „Общества прав человека“. Эта секция в своем регламенте заявляла: „Без свободы невозможно просвещение, а, следовательно, невозможна справедливость; без братства человек теряет свои человеческие черты; мы хотим не только изменения в формах наших учреждений... Мы не хотим крови наших врагов, но, если кровь для дела свободы необходима, именно нашу кровь мы поспешим пролить для спасения народа“...

Секция „Общества прав человека“ начала пополняться рабочими, а члены „Общества мютюеллистов“, которым статуты их общества запрещали заниматься политическими вопросами, теперь вступают в ряды республиканцев. Наконец, сам орган „мютюеллистов“—„Эхо фабрики“—начинает проникаться республиканскими идеями: он перепечатывает статьи „Националя“, столичной республиканской газеты, сочувственно цитирует „Собирателя“ и его катехизис. В этой газете, доселе отстаивавшей узко-профессиональные интересы, теперь можно было прочесть следующее заявление: „Рабочий должен знать свои права и обязанности человека и гражданина; нужно, чтобы он знал, какая именно форма правления может дать ему счастье и спокойствие... Полити-

ческие свободы должны предшествовать экономическому освобождению масс, готовить его и дополнять“...

Начиная с 1-го номера в 1834 году, „Эхо фабрики“ ведет уже неприкрытую республиканскую пропаганду; оно открыто заявляет теперь о своих симпатиях „к священным стремлениям Конвента“.

IV.

Приблизительно в это же время и в „Обществе мютюеллистов“ произошло нечто вроде переворота. Некоторые из его членов, настроенные более решительно, создали „Исполнительный Комитет“ в составе 22 членов, по одному от каждой центральной ложи. Этот комитет имел опору в „синдикатах“, стоящих ближе к широким массам рабочих. Вскоре Комитет, воспользовавшись каким-то предлогом, распустил „Великий Совет“, который не был поддержан массой рядовых членов. Таким образом, „Исполнительный Комитет“ оказался во главе общества.

Старые члены общества с ужасом замечали, что дух и настроение его членов изменились совершенно, что общество отклонилось от своих старых путей. Влияние „инициаторов“, хранителей традиций, свелось к нулю. Один из старых членов общества по этому поводу писал: „Я заметил, что общее настроение и особенно настроение „Исполнительного Комитета“ отклонялось все более и более от первоначальных принципов нашей организации, соответственно которым нам было запрещено заниматься политикой“...

Вождь республиканцев—Гарнье-Паже—так говорит об этом изменении настроения: „Политика не играла никакой роли в ноябрьских событиях, но теперь Лион стал городом, в котором рабочие занимаются ею более всего, и где более всего желают больших изменений в теперешней организации (общества)“... „Ремесленники“, говорил он далее, „ждут реформ социальных не иначе, как в результате реформы политической“...

Что касается реальных проявлений недовольства рабочих существующими порядками, то они выражались в мелких бунтовщических вспышках и небольших демонстрациях: то собравшиеся молодые рабочие запоют республиканские песни, то в кафе или на площади раздадутся крики: „Да здравствует республика, долой Луи-Филипп!“

В декабре 1833 года эпоха промышленного под'ема стала приходить к концу; наметились первые признаки

кризиса 1834 года; нужда начала стучаться в двери рабочих жилищ.

Конечно, нажившейся за период блестящих дел буржуазии до этого не было никакого дела. Поэтому святки были отмечены блестящими и роскошными балами. Начавшие голодать рабочие были возмущены; они толпами собирались около богатых домов, у которых останавливались кареты, и осыпали выходящую знать и буржуазию оскорблениями. Буржуазия искренне негодовала на „глупость рабочих“, не понимавших, якобы, что балы увеличивают спрос на роскошную материю и тем доставляют им заработок.

V.

Недовольством рабочих масс и исчезновением их лояльности по отношению правительства Луи-Филиппа думали воспользоваться бонапартисты, сторонники восстановления на французском престоле потомков Наполеона I. Однако, характерно, что и бонапартистам, для того, чтобы добиться хоть какого нибудь успеха в своей пропаганде, приходилось переделывать Наполеона на республиканский манер.

Одна из их брошюр заявляла: „Наполеон умер, но бонапартизм жив; он стал республиканским“. Эта брошюра изображала Наполеона „Великим полководцем, водившим столько раз французские батальоны к победам; героем, нога которого с презрением попирала скипетры и венцы королей“...

И „Эхо фабрики“ как-будто соглашалось с такой характеристикой: „Генерал и консул Бонапарт“, писало оно, „сделал так много для Франции, что чего бы она не смогла простить ему—как императору“.

Что касается другой противоправительственной партии, легитимистов, сторонников недавно свергнутых Бурбонов, то они совершенно напрасно пытались демагогией и лестью привлечь рабочих на свою сторону. Рабочие слишком хорошо помнили ужасы и мракобесие реакции, обрушившейся на них следом за возвращением посаженных иностранными штыками Бурбонов. Газеты легитимистов не находили читателей среди лионских рабочих.

VI.

В начале 1834 года для лионских рабочих наступило тяжелое время, предвестники которого были заметны еще в декабре 1833 года. Заказы сократились очень сильно

и в делах всех отраслей шелковой промышленности наступил застой. Несколько лучше обстояли дела только с изготовлением плюша и шалей, однако, фабриканты, учитывая большое количество безработных, решили сократить заработную плату и в этих отраслях промышленности.

Если в пору блестящих дел изготовление плюша оплачивалось по 5—6 франков за аршин, то теперь оно оплачивалось не дороже, как по 3—2,5 франка; однако, фабриканты собирались и эту расценку понизить на 25%.

„Мютюеллисты“ опять выступили в качестве руководителей; они заявили о необходимости приостановить работу 7—8 сотен станков, но эта частичная забастовка не привела ни к чему. И тогда в памяти лионских рабочих встал „ноябрь со всею своею гнусностью“, как об этом писали „мютюеллисты“, „и горестью рабочих, доведенных до необходимости, под огнем пушек, изрыгающих картечь, просить хлеба, для того, чтобы иметь возможность жить, работая“...

Считая положение столь же критическим, как и тогда, в ноябре, „мютюеллисты“ пришли к „решению важному и отчаянному“—объявить всеобщую забастовку. Это решение было вынесено „Исполнительным Комитетом“, поставившим его непосредственно на голосование лож, минуя „централы“, оппозиции которых он опасался. Голосование произошло 13 февраля: за забастовку высказалось 1297 голосов, против—1044. Несмотря на незначительное большинство, которым прошло столь серьезное решение, оно было приведено в исполнение.

„Феррандинцы“ поддержали „мютюеллистов“. „Убежденные в добрых намерениях наших братьев, мы принимаем их решение, не одобряя и не порицая его“—заявили „хозяйева мастера“ не „мютюеллисты“.

14 февраля все станки в Лионе прекратили работу. Рабочие на этот раз проявили такую дисциплину и солидарность, что буржуазия пришла в полную панику. Кровавые дни ноября встали перед ее глазами во всем своем мрачном величии. Ужас ее увеличился еще больше, когда она, как и в ноябре, увидела стройные колонны рабочих, по четыре в ряд, спускавшиеся из предместий. Однако, это была лишь мирная демонстрация, предлогом для которой послужили, как обычно, похороны одного рабочего.

„Лионский курьер“ рвал и метал. „Подлинное восстание“, писал он, не без провокационных целей, „было бы в тысячу раз меньшим злом, чем это продолжительное

ожидание восстания... Рабочие ассоциации—бич: необходимо распустить их“. От правительства он требовал самых жесточайших мер: „Если толкаемые своими гнусными советниками рабочие нарушат мир в нашем городе какой-либо демонстрацией, власти, принявшие меры и предупрежденные, немедленно дадут им суровый урок“. Однако, многие буржуазные семьи покинули Лион, целые кварталы опустели. Такая чрезмерная трусость фабрикантов возмутила даже одного жандарма, написавшего по этому поводу: „Всегда один и тот же эгоизм, одно и то же сумасшествие с их стороны: все для них и ничего для поддержания порядка“. Один буржуа в письме к военному министру трогательно просил его объявить военное положение: „Мы“, писал он, „предпочитаем находиться под покровительством закона о военном положении, чем быть ограбленными и убитыми благодаря недостаточности закона гражданского. Обдумайте это серьезно и поскорей“.

Префект обратился к рабочим с воззванием, в котором он им указывал, что они нарушают статью 115 уголовного кодекса и что они подвергают опасности промышленность первого мануфактурного города Франции; они лишают его заказов, удаляют покупателей, принуждают капитал исчезнуть и доводят сами себя до нищеты... Люди, принявшие подобное решение, по мнению префекта, не могли быть ни лионцами, ни французами...

Несмотря на это воззвание, и несмотря на свежие еще воспоминания о ноябре, а, может быть, как раз и благодаря им, рабочие решили обратиться к посредничеству префекта. Последний, к великой радости фабрикантов, не повторил „ошибки“ своего предшественника и с истинным бюрократическим спокойствием заявил: „Рабочие вольны работать и не работать, но если закон будет нарушен, власти выполнят свой долг“.

И власти приняли свои меры, стянув значительное количество войск. Ободренные этим, да еще находясь, благодаря заблаговременному выезду из Лиона, вне пределов досягаемости для рабочих, фабриканты не собирались идти ни на какие уступки. Рабочие же, надломленные предшествующим застоём в делах, не могли выдержать продолжительной забастовки. Фабриканты увещевали друг друга: „Держитесь стойко“, говорили они, „нужно, чтобы рабочие уступили, когда их стиснет голод; если же они пойдут на восстание, это восстание будет последним, ибо у нас в руках пушки и сотни штыков“.

Следовательно, даже против восстания фабриканты не возражали, так как теперь обстановка его сложилась бы не в пользу рабочих.

Некоторые члены „Общества прав человека“ собирались обратить эту забастовку в восстание под политическими лозунгами, но само „Общество“ в этот момент находилось в периоде реорганизации и было не подготовлено к руководству восстанием. Многие республиканцы прекрасно понимали, что при данной обстановке восстание может быть только неудачным; на это указывали провокационные заявления властей и фабрикантов. Наконец, и сами мюжеллисты на этот раз воздержались от внесения в свою борьбу политического элемента: „Комитет“ приказал всем ложам „не вмешиваться ни в коем случае в политику“...

Что касается республиканцев группы газеты „Предвестие“, то их поведение было более чем двусмысленное. В самый разгар забастовки эти люди, столь много говорившие о своих симпатиях к трудящимся, не постеснялись опубликовать протест против всеобщей забастовки. „Следует“, писали они, „чтобы все подчинилось настоятельной необходимости помешать тому столкновению, в котором кровь французов пролилась бы без всякого другого результата для коммерции, кроме как уничтожения нашего кредита и во Франции и за-границей“. Словом, их речи ничем не отличались от официальных деклараций префекта и от заявлений фабрикантского „Курьера“.

Между тем положение бастующих становилось все тяжелее и тяжелее и вследствие неудач среди них начались разногласия. Разногласий этих можно было ожидать, принимая во внимание то незначительное большинство, которым прошло постановление о забастовке у „мюжеллистов“. К разногласиям среди „хозяев мастерских“ присоединился раскол между ними и „феррандинцами-компаньонами“. Несмотря на сходство материального положения, в интересах компаньонов и хозяев должны были наблюдаться значительные противоречия. Вспомнить хотя бы уже упомянутый нами пункт статута „феррандинцев“, в котором говорилось о необходимости сокращения количества учеников, между тем для „хозяев мастерских“ ученики, как мы знаем, представляли главный источник прибыли.

Феррандинцы предъявили мюжеллистам, как зачинщикам забастовки, требование об оплате забастовочных дней. И „мюжеллисты“ и „феррандинцы“ хорошо понимали, что

если их враги узнают о происходящих разногласиях, то ободрятся еще больше, поэтому они и постарались скрыть возникшее разногласие. Но „Предвестие“ опять сыграло предательскую роль: оно начало оплакивать происшедшие разногласия и тем сделало их всем известными.

В Лион прибывали новые и новые войска. Фабриканты, будучи не особенно заинтересованы, в виду застоя в делах, в возобновлении работ, продолжали упорствовать. Все это заставило „мютюеллистов“ подумать о прекращении забастовки; вопрос был поставлен на голосование 19 февраля; за возобновление работ высказалось 1382 голоса, против—545. Не все рабочие готовы были примириться со своим поражением; в „Красном Кресте“ произошло несколько ожесточенных драк между сторонниками возобновления работ и их противниками. Двадцать второго февраля, после восьмидневной забастовки, работы были возобновлены полностью.

Несмотря на свою неудачу, эта забастовка продемонстрировала известную солидарность между рабочими различных производств. Печатники устроили подписку в пользу бастующих рабочих по шелку. В письме, сопровождавшем собранные деньги, они писали „мютюеллистам“: „Ассоциация благодетельна не только для составляющих ее рабочих, но и для всего общества в целом, так как она помогает своим членам во время болезни и безработицы, она их поддерживает в старости и, наконец, она оказывает моральную и денежную помощь, делая возможным, основанный на справедливости, отказ от работы за низкую плату. Вот почему печатники бросили призыв о поддержке братьев-рабочих по шелку в борьбе за их права и нужды“...

Вопрос о забастовке долгое время продолжал волновать умы и после ее окончания. Официальная газета „Монитор“ напечатала письмо „Депутата, профессора и члена Академии Наук“, обвинявшего рабочих в том, что организованная ими забастовка грозила неисчислимыми бедствиями как лионской промышленности, так и всей Франции. В ответ на письмо „профессора“ „Эхо фабрики“ заявило: „Прекращение работ было решено для большего блага рабочих, в угрожаемых условиях конкуренции и промышленной анархии, происходящей из свободы коммерции и труда рабочих, желающих реорганизации современного общества в общество, основанное на взаимных правах труда, капитала и таланта. Рабочие были обмануты обещаниями, данными в ноябре герцогом Орлеанским, так как через несколько дней после того,

как эти обещания были даны, министр Перье говорил: „Нужно, чтобы рабочие знали, что для исцеления их нет другого средства, кроме терпения и покорности“.

С тех пор ничего не переменилось. Перспектива установления республиканского правительства не пугает рабочих по шелку; если для того, чтобы освободить народ от всех несчастий, которыми он отягчен, нужно уничтожить крупные состояния—прекрасно, мы будем аплодировать их падению. Но, успокойтесь, мы имеем средства исцеления и помимо уничтожения богатств и отмены собственности¹⁾

Под этим чудодейственным средством „Эхо фабрики“ подразумевало, видимо, рабочие ассоциации. Но в этот момент, как раз над этими ассоциациями, была занесена рука правительства. Издание закона об ассоциации явилось поводом к возникновению в Лионе новых кровавых событий—апрельского восстания.

4. Апрельское восстание.

Февральские события в Лионе, волнения в Сен-Этьене и Париже происходившие в том же месяце, напугали правительство и правящий класс и заставили их как можно скорее провести через обе палаты закон против обществ и объединений. Согласно этому закону, те общества, которые распались на секции, меньшие чем в 20 человек, могли существовать лишь с разрешения властей; наказание за принадлежность к неразрешенным обществам делалось одинаковым как для вождей, так и для рядовых членов; регулярность и нерегулярность собраний более не принималась в расчет. Закон этот, хотя и направленный, согласно заявлениям правительства, только против политических организаций, должен был сделать невозможным существование каких-либо рабочих обществ; ясно, что рабочие на проведение этого закона смотрели, как на формальное объявление войны. Одних слухов о нем было достаточно для того, чтобы вызвать в Лионе целую бурю. „Собиратель“ отмечал то единодушное негодование, с которым различные организации—„мютюеллисты“, „феррандинцы“ и члены множества других обществ, легальных и тайных, встретили слухи об издании нового закона. „Эхо фабрики“ восклицало: „Пусть змея

¹⁾ Fest—313, 314.

доктрины не наладает на ассоциации, ибо они окажутся для нее подпилком, о который она сточит зубы⁽¹⁾).

Обсуждение нового закона в Палате Депутатов длилось 16 дней, с 11-го по 26-е марта, и носило чрезвычайно бурный характер. Автор закона, канцлер Барт, обрушился на республиканские общества, — он говорил, что республиканцы, разочаровавшись в буржуазии и в национальной гвардии, надеются теперь только на рабочих и, следовательно, подготовляемая ими революция есть революция политическая. Надо сознаться, что Барт очень хорошо понимал создавшееся положение.

Депутат Лиона Прюнель, на примере своего города, пытался доказать, что политические организации пользуются успехом в рабочих кругах по той причине, что именно рабочих легче совратить с пути, благодаря их непросвещенности. Напрасно оппозиция возражала самым ожесточенным образом против принятия закона. Один из депутатов попытался напомнить правительству, что оно обязано своею властью „поведению народа в июльские дни, того народа, который имеет лишь одну участь—нищету, когда он молчит, и картечь, когда он осмеливается жаловаться“⁽²⁾. Другой республиканец говорил: „Если какой-нибудь француз, человек честный, захочет объединиться с другими для того, чтобы распространить действие благоденствия на людей нищего и трудящегося класса—я стану его последователем, несмотря на ваших министров и ваши законы. Если какой-либо француз, честный человек, пожелает наиболее широкого распространения здоровых учений и того просвещения, которое подготавливает мораль будущего и счастье человечества,—я его сторонник, несмотря на ваших министров и ваши законы“...

Не взирая на все красноречие республиканцев, закон против ассоциации был принят 246 голосами против 154. Что касается Палаты Пэров, то здесь закона не задерживали, но любопытно отметить, что один из членов этой Палаты, как бы предугадывая приемы будущей Зубатовщины, предлагал самому правительству, в целях отвращения рабочих от революционных ассоциаций, организовывать свои ассоциации ремесленников⁽³⁾.

1) Fest—317.

2) gen. Ludre, Fest—318.

3) Fest—318, 319.

Речи, гремевшие в Палате Депутатов, находили живейший отклик в лионской прессе. „Лионский курьер“ торжествовал и поздравлял правительство с победой. „Эхо фабрики“, „Собиратель“ и даже „Предвестие“ негодовали и доходили до открытых угроз правительству. Еще до принятия закона „Эхо фабрики“ заявляло: „Закон Барта—головня, которая зажжет гражданскую войну. Правительство сеет ветер—прекрасно, оно пожнет бурю. Смелей, господа члены Палаты, так как вы ничего не можете сделать лучшего; издавайте законы: они просуществуют меньше, чем вы, ибо вы строите на песке, и знайте это, когда народ дунет, ваша хрупкая постройка взлетит на воздух“...

„Собиратель“ говорил, что теперь „сопротивление является и священной обязанностью, и долгом“.

„Эхо рабочего“, газета, созданная некоторыми членами редакции „Эхо фабрики“, отколовшимися от остальной редакции после захвата ее мютьееллистами, писало: „Рабочие всех профессий—„мютьееллисты“, „фэррандинцы“, „юнисты“, „конкордисты“—не пугайтесь, закон заклеимен печатью проклятия еще до своего появления на свет! Не обескураживайтесь, укрепляйте свои союзы, ибо нужно сопротивляться произволу, какие бы формы он ни принимал“...

„Общество прав человека“ заявляло, что оно будет существовать, как существовало ранее, не взирая ни на какие законы.

Когда закон был принят Палатою, „мютьееллисты“ составили протест и опубликовали его за 2540 подписями. В этом документе они, в выражениях, полных достоинства и энергии, клеймили правительственный акт, называли его „делом наиболее дикого вандализма, нарушающим наиболее священные права“... „Исследовав и рассмотрев этот закон“, писали „мютьееллисты“, и считая, что объединение вообще—естественное право всех людей, что оно—источник всякого прогресса, всякой цивилизации, что это право—не уступка, а результат желаний и нужд человечества, записанных в законе самого провидения; признавая, что объединение рабочих в нашу эпоху необходимо, что оно для них—условие существования, что всякий закон, наносящий этому объединению удар, будет иметь своим непосредственным результатом беззащитность рабочих против тех, кто их эксплуатирует—„мютьееллисты“ протестуют против губительного для ассоциаций закона, и объявляют, что они никогда не склонят главы пред столь грубым произволом, что их

единение не будет разрушено и что, опираясь на самое ненарушимое право—право жить работая, они будут со всей энергией, свойственной свободным людям, сопротивляться всем грубым попыткам, и для защиты того права, которое никакая человеческая власть не в состоянии у них отнять, они не отступят ни перед какими жертвами“...¹⁾

Этот документ хорошо изображает настроение, охватившее лионских рабочих при получении известия о новом законе, и дает представление о значении, придаваемом ими ассоциациям.

Под влиянием возбуждения, охватившего все почувствовавшие себя угрожаемыми организации, был создан „Объединенный Комитет“, объединявший представителей всех этих организаций—„Общество прав человека“, „мютюеллистов“, „конкордистов“ и т. д. Комитет создавался для согласования действий всех организаций в случае их совместного выступления. Последнее, принимая во внимание всеобщее возбуждение и решительность заявлений рабочих и оппозиционной печати, казалось неизбежным. Таковым настроение масс было, конечно, не только в Лионе, но и во всех крупных городах Франции. Левые республиканцы готовы были использовать эти настроения для организации большого, дружного восстания против правительства Луи-Филиппа. Их парижская газета „Трибуна“, сообщая о создании „Объединенного комитета“ в Лионе, писала: „В виду этих серьезных обстоятельств—объединились все; рабочие общества, общества подмастерьев, политические общества,— все совершили акт единения; единство—царит. Все граждане, к какой бы корпорации они ни принадлежали, рассматривают себя как подвергшихся нападению—защита их будет общей и единой“...

Эти заявления „Трибуны“ были и слишком агитационны, и слишком оптимистичны. Далеко не все республиканцы считали настоящий момент подходящим для восстания,—многие понимали, что одного настроения недостаточно, что нужны и материальные средства, а их-то, по крайней мере, в распоряжении лионцев, не было и, прежде всего, не было оружия.

Значительные разногласия происходили и в среде „мютюеллистов“,—часть их упорно сопротивлялась посылке представителей в „Объединенный Комитет“, усматривая

¹⁾ Monf.—212.

в этом все то же нарушение первоначальных принципов общества, с которыми она никак не могла расстаться. Была сделана попытка произвести новый переворот и путем переизборов отстранить „Исполнительный Комитет“, возвратив власть Совету Президентов централов. Но попытка эта не удалась.

В то время, как среди рабочих и республиканцев наблюдается известный разброд, правительственные власти, благодаря долгим и тщательным приготовлениям, чувствовали свою силу и были не прочь устроить кровопускание, которое отводило бы рабочих от дальнейших выступлений. По этой причине ими не было сделано никаких попыток предотвратить приближающееся столкновение.

Положение республиканских вождей в этих обстоятельствах было поистине трагическим. С одной стороны—из Парижа им слали приказы, вроде следующего: „Соберите вокруг себя всех членов секций, примите или заставьте передать вам неограниченную власть для того, чтобы в момент борьбы, которая близка, действовать с большей быстротой и большим единством“; „мютюеллисты“ представляли им ультиматум: „Если ваши секции не выйдут на улицу, мы выйдем без них.“ С другой стороны—им была ясна полная неподготовленность вооруженного выступления. Но когда они пробовали говорить об отсутствии оружия, им возражали, что оно и не понадобится, так как войска перейдут на сторону восставших. Эта вера в лояльность войск по отношению к восставшим была всеобщей; она еще более укрепилась, благодаря последовавшим событиям. События эти имели место 5 апреля.

В этот день было назначено слушанием дело „мютюеллистов“, обвиняемых в организации февральской забастовки. При том возбуждении, которое царило в городе, было очевидно, что судебный процесс явится искрой, брошенной в горячий материал. Президент суда просил или отложить суд, или назначить его в другом городе; просьба удовлетворена не была. В день процесса перед зданием суда собралась огромная толпа рабочих, среди них много „мютюеллистов“; толпа заполнила Трибунал, двор и прилегающие улицы. Слушание дела стало невозможным; оно было перенесено на 9 апреля. Толпа напала на выходящего свидетеля обвинения и на явившегося на помощь ему прокурора; вызванные для рассеяния толпы солдаты, по ее требованию, опустили штыки и начали брататься с ней.

Такое поведение солдат обратило надежду на сочувствие их восстанию в твердую уверенность. На другой день десятитысячная толпа рабочих, с „мятучеллистами“ и „феррандинцами“ во главе, продефилировала по улицам города. Богатые кварталы опустели; власти приняли необходимые меры: площади и общественные места были заняты войсками, в угрожаемых пунктах и на командующих высотах были расположены орудия и в городе было сосредоточено около 10.000 войск. Столкновение приближалось и было неизбежным.

Подталкиваемые приказами из центра, увлекаемые общим движением, республиканские вожди приняли решение—и героическое, и бесполезное одновременно—быть в решительную минуту на своих постах. Между тем, никакого плана борьбы составлено не было, на наступление не решались, а предполагали ограничиться обороной; никаких мер к выяснению действительного настроения войск, что должно было явиться решающим, принято не было. „Объединенный Комитет“, который, казалось, должен был руководить восстанием, ограничился выработкой пароля: „Единение, сопротивление, мужество“...

Девятого апреля Лион походил на военный лагерь. Опять возбужденная толпа залила всю площадь около суда. Республиканцами в этот день была выпущена прокламация. „Закон против ассоциации“, писали они, „обсуждается в настоящий момент в Палате Пэров. Мы знаем все, что ею он будет одобрен.. Вы видите, граждане, что хотят посягнуть не только на наше национальное благополучие и свободу, но и на нашу жизнь и наше существование. Упраздняя общества, хотят помешать рабочим поддерживать друг друга в нуждах, в болезнях и, в особенности, помешать им добиваться улучшения их печальной участи“...

Слушание процесса шло своим чередом. Во время защитительной речи, произносившейся Жюлем Фавром, раздался выстрел,—солдат ранил переодетого в целях провокации агента полиции. Это было началом восстания. Прилегающие к суду улицы покрылись баррикадами. Но, благодаря приготовлениям властей, выполненным заранее, восставшие сразу оказались раз'единенными на маленькие группы. Кроме того, они не имели ни общего плана борьбы, ни руководителя и ограничивались только обороной. У них не было достаточного количества ружей; приходилось обходиться саблями и пистолетами. Нужно было все героическое муже-

ство восставших для того, чтобы против сильнейшего и прекрасно вооруженного неприятеля продержаться четыре дня. Самые жестокие меры борьбы были применены войсками,—целые дома взрывались в том случае, если из них раздавался хотя бы один выстрел; всякий пешеход, появившийся на улице, подвергался обстрелу. Все сношения в городе были прерваны и жители сидели по своим домам, отрезанные от всего внешнего мира.

Восставшие проявляли огромную изобретательность, пользуясь всеми доступными средствами: то они катили на своих врагов зажженные бочки со смолой, то горящие барки груженные сеном, спускали по реке для того, чтобы зажечь мост. Женщины сражались рядом с мужчинами. Сопротивление восставших было настолько мужественно, что одно время в штабе был поднят вопрос об оставлении города, хотя официальные реляции и сообщали о том, что „инсургенты повсюду бегут“. Войсками был оставлен один из фортов, окружавших Лион, и восставшим достались два орудия, которые они и использовали, употребляя, за отсутствием снарядов, железные обломки, гвозди и камни.

Только на четвертый день борьбы было занято рабочее предместье Вэз, где солдаты произвели беспощадное избиение, „расстреливая тех, у кого руки и губы казались почерневшими от пороха“. Рабочий центр—„Красный Крест“—был занят лишь на шестой день борьбы.

Когда канонада затихла и испуганные жители вышли из своих убежищ, их глазам представилась картина ужасного разрушения: „многие дома были совершенно сожжены, большое число других было пробито снарядами, повсюду трупы и кровь“. По общему подсчету, погибло около 1200 человек и было выпущено до 1700 снарядов и 170.000 пуль. Лионская буржуазия, в лице городских властей, в таких выражениях благодарила солдат за произведенное избиение: „Вы победили и прогнали с земли Франции антиобщественные принципы, завоевавшие ее, но никогда не пускавшие в ней прочных корней. Опираясь на конституционную монархию, свобода никогда иначе, как благодаря собственным эксцессам, не погибнет во Франции, но именно этим-то эксцессам вы и об'явили войну и над ними-то и одержали славнейшую победу; за это вы и оценены достаточно свободой, всей Францией и городом Лионом, в частности“.

Надежды восставших на поддержку войск, сыгравшие столь роковую роль в ходе восстания, не оправдались;

не оправдались и их предположения о восстаниях в окружающих Лион деревнях,—последние, как и в ноябре, остались безучастными. Но волна восстаний прокатилась по всем значительным городам Франции. Сен-Этьен, Вьен, Гренобль. Шалон-на-Соне, Марсель. Люневиль и, наконец, Париж были захвачены этой волной. В Сен-Этьене, центре позументного производства, рабочие восстали с криком: „к оружию, на помощь нашим братьям в Лионе!“ В Париже восстание, закончившееся Трансенонской резней, поднялось тоже под свежим впечатлением известий о Лионских событиях. Умышленно, или будучи действительно введена в заблуждение, республиканская „Трибуна“ писала: „Победа народа подтверждается,—лионцы хозяева города, они провозгласили Временное Правительство и республику. На всех лионских дорогах сообщение прервано... Население окрестностей Лиона отнеслось к движению с живейшей симпатией, наибольшая помощь была получена из Сен-Кантена, откуда прибыло 10.000 вооруженных рабочих“.

Республиканская прокламация, расклеенная по Парижу, гласила: „Наши лионские братья дали нам понять, как эфемерна грубая сила тиранов, сравнительно с республиканским патриотизмом. То, что „мятежники“ начали с таким успехом, июльские победители (парижане) не поколеблются закончить“...

Апрельское поражение произвело на лионских рабочих самое тягостное впечатление и привело их в угнетенное состояние духа. Это настроение царило среди них очень долго, и нужны были все бури 1848 г. для того, чтобы вывести их из апатии. После поражения они опять отвернулись от политических организаций и политической борьбы и обратились с большим жаром к вопросам экономическим и социальным. Произведения вроде „Икарии“ Каба пользовались среди них наибольшим успехом. Именно в это время у лионских рабочих создается слава, как у людей весьма начитанных и осведомленных в области экономики и философии, но зато склонных к мечтательности и фантазерству.

„Теперь“, сообщает нам один современник, „члены тайных обществ стали пропагандистами социальной реформы, имеющей притязание охватить весь мир“.

Заключение.

Медленно, по кровавым ступеням, поднимается рабочий класс к победе над своим врагом—буржуазией. На пути к этой победе он получает много жестоких уроков. Такими уроками были и те два восстания, о которых мы только-что рассказали. Уже второе из этих восстаний представляло значительный шаг вперед, сравнительно с первым.

За три года, протекших между двумя восстаниями, лионские рабочие, в смысле роста их сознательности и организованности, прошли большой путь.

Обыкновенно, различие между этими двумя восстаниями видят в том, что первое—не выдвигало политических лозунгов, второе—происходило под этими лозунгами. Но не в этом лежит коренное различие между этими двумя выступлениями лионских рабочих.

Выступление 1831 года было выступлением мелких буржуа-ремесленников. Только крайность толкнула их на это выступление; оно происходило под лозунгами узко-корпоративными; ни о социальном, ни о политическом перевороте не было и речи. В этом восстании много характерного для выступления ремесленников: и лояльность их по отношению к монархии, и доверие к властям, и, наконец, уважение к собственности.

Второе восстание представляет собою нечто совсем иное. Здесь нет и речи об узких корпоративных интересах,—защищается насущный и общий интерес рабочих—право иметь свои организации. Но и этот вопрос—не цель восстания,—за разрешением его рабочие видят социальное преобразование существующего общества. И это социальное преобразование должно, по их мнению, явиться результатом переворота политического.

Следовательно, в этом восстании борьба за экономическое освобождение рабочего класса связывается с борьбой

политической, почему восстание это и можно рассматривать, как предвестник выступления современного пролетариата.

Но хотя за три года, протекших между двумя восстаниями, новые способы производства, видимо, и сделали некоторые успехи,—так, например, и „Эхо фабрики“ и „Предвестие“ уделяли значительное внимание вопросу о введении машин,—лионские рабочие попрежнему, в большинстве своем, продолжали оставаться ремесленниками.

Разбросанные по отдельным мастерским, раз'единенные на множество корпораций и организаций, неподготовленные к выступлению материально, без выработанной программы и без тактики борьбы, они, конечно, не могли одержать победы.

Для того, чтобы одерживать победы, массы трудящихся должны были переплавиться в горниле крупно-промышленной эксплуатации в настоящий промышленный пролетариат. Только такой пролетариат представляет собою единую революционную лаву, только тогда он начинает сознавать свои интересы и способы эти интересы осуществить.

Только тогда у пролетариата может появиться единая мощная организация, которая ведет его к победе и к завоеванию иного строя, иного порядка.

